

В наше время в замках живут только принцы из диснеевских мультфильмов. У них - златокудрые принцессы с округлыми глазами, у них башенки и много-много счастья, аж сочится. Поэтому отправиться в гости к Максиму Галкину - сродни экскурсии в Диснейленд. Ждешь острых ощущений, аттракционов, плюшевых ушей и дежурных улыбок. Но все получается наоборот. Тут тихо, безлюдно, тут хорошо прирученные горгульи встречают тебя поклоном.

Из интервью

Почти весь замок в нашем распоряжении, на втором этаже слышен смех детей, скоро мама будет укладывать их на дневной сон. Максим весел и легок, это настораживает. Он постоянно шутит, он предлагает съемочной группе чай с конфетами. Вокруг и хай-тек, и какой-то невероятный антиквариат, о котором хозяин готов рассказать кучу историй, и капризные лианы, за которыми он лично ухаживает. Он знает каждый скол и срез в своем доме. И шутит, шутит, мы смеемся. Но так хочется увидеть его серьезным.

Максим, каким ты становишься, когда выходишь из образа?

Я в него не вхожу, поэтому никуда не выхожу. У меня нет образа. На сцене я такой же, как и в жизни. Образ — это ведь не прическа и не одежда. В моем понимании — это все-таки характер, манера поведения. Даже в какой-то степени мировоззрение. В этом смысле я образ не меняю.

На сколько лет ты себя ощущаешь?

Не знаю. Раньше я говорил, что мне лет 90. Сейчас склоняюсь к мысли, что все-таки это было лукавство. Я не чувствую своего возраста.

Дело в том, что я его тоже не чувствую, глядя на тебя.

Спасибо!

Не факт, что это комплимент. Ты такой большой ребенок. Или это ложное впечатление?

Плох тот артист, который в душе не ребенок. Он должен сохранять непосредственность в общении и неподдельность в эмоциях. Не должно быть успокоенности, которую я наблюдаю у многих коллег. Я к таким людям не отношусь абсолютно. Потому что все мои достижения, все материальные блага, которые ты видишь вокруг, никогда не были для меня самоцелью. Да, это замечательно, но не более того. Допускаю, что это покажется неискренним — ведь все знают, что у меня недешевый дом, что я не аскетичен в быту и никогда этого не скрывал. Но для меня это вещи не взаимосвязанные. Я много гастролирую по стране. И мой гонорар очень сильно зависит от того, в каком зале я выступаю...

Но ты же не поедешь выступать в подмосковный ДК?

Наоборот! Я еду в подмосковный ДК и выступаю. Хотя понимаю, что там много не заплатят. Я знаю, что в этих городах есть зритель, которому я интересен. Без всяких претензий на миссионерство — я вижу в этом свое призвание, я могу веселить людей и получаю от этого удовольствие.

У тебя бывали периоды простоя?

Никогда. Если вдруг и возникает какой-то перерыв, я автоматически начинаю искать зрителя. Два случайных человека, попавшихся на пути, становятся зрительным залом. У артиста должны гореть глаза. А глаза у человека горят только в нескольких случаях: если он влюблен, если он по-прежнему с удивлением смотрит на мир и все окружающее является для него подарком. И еще — тщеславное желание доказать, что ты состоятелен как творческая единица, что ты — можешь.

Вроде ты уже все давно доказал.

Тут важна не цель, а сам процесс. Есть какая-то природная энергия, когда тебе всегда хочется удивлять. Это свойство характера: я все время чувствую себя неуспокоенным, мне постоянно нужно что-то делать, мне все интересно, и Бог дал мне возможность делать то, что мне самому нравится. Что касается амбиций в прямом смысле, у меня их никогда не было.

Как-то не верится, что у тебя не было амбиций.

Постараюсь объяснить... Когда-то у меня был первый успех, бешеный, неожиданный, совершенно сногшибательный — я выступал в Доме литераторов на закрытии 60-го, юбилейного, сезона. Я в первый раз вышел на такую сцену, это было мое пятое выступление в жизни, я, конечно же, не считал себя артистом. Но я сам придумал свой номер, написал текст. В зале сидели министр культуры, известные актеры, писатели, на сцене во время моего выступления находился Сергей Владимирович Михалков. Сливки

общества, элита. И вот у этой элиты я, 17-летний, вдруг срываю шквал аплодисментов. Министр культуры мне говорит, что я спас вечер, Борис Брунов приглашает меня в Театр эстрады, Михаил Глузский жмет мне руку, Сергей Владимирович Михалков спрашивает, а что я имел в виду в такой-то фразе... Вот в тот момент мои амбиции были полностью удовлетворены. Я понял, что я могу. Дальше я просто смешил людей.

А у тебя не «снесло крышу» от такого успеха?

Нет. Наоборот. Я был уверен, что получил свои 15 минут славы и больше это не повторится. Никогда не вел дневников, но в тот раз записал, кто и что мне сказал, — чтобы не забыть, чтобы рассказать маме, а при случае — и своим потомкам. Я считал, что это пик моей эстрадной карьеры. Поэтому ничего мне не снесло. Я продолжал учиться в университете и следующие три года просто выступал там, куда меня звали. Я до сих пор пребываю в ощущении, что на эстраде для меня свет клином не сошелся, если пойму, что выдохся, — займусь чем-нибудь другим.

Твой отец был высокопоставленный военный, генерал-полковник. Ты рос в строгости?

Не то чтобы в строгости, но дисциплина была, меня приучали к порядку. В буквальном смысле — к порядку на письменном столе. В остальном я был полностью предоставлен сам себе. Учился я хорошо и с удовольствием, не из-под палки.

Как-то все очень легко у тебя складывалось.

Так и есть. Я думаю, удача присутствовала в моей жизни.

А были моменты, когда она от тебя отворачивалась?

Нет. Если что-то не получалось, потом выяснялось, что это к лучшему. Действительно, ощущение легкости есть. Но все равно на жизненном пути направление ты всегда выбираешь сам. Я никогда не стучался в закрытые двери. Если дверь закрывалась — значит, я туда не шел. Меня долго не показывали по телевизору. В какой-то момент я стал по этому поводу переживать. Но мне не приходило в голову, например, попросить отца. Это потом уже, спустя годы, я узнал, что, оказывается, он был знаком с Иосифом Кобзоном, с Владимиром Винокуром. Ему тоже не приходило в голову продвинуть своего сына по артистической лестнице. Естественно, я участвовал в концертах-съемках, но я был неизвестен, и меня всегда вырезали. Я очень хорошо помню, как единственный раз меня показали в каком-то концерте и, как назло, мама не успела его посмотреть. И вот я лечу с Лешей Кортневым кататься на лыжах в Шамони и говорю ему: «Представляешь, меня показали в кои-то веки, а мама не успела». На что мне Кортнев сказал: «Настанет время, твоя мама будет случайно включать телевизор и всякий раз видеть тебя». Он, возможно, просто старался меня успокоить, но оказался абсолютно прав. Я мог обивать пороги телецентра, но не делал этого, рассуждая так: «Не показывают — и ладно!» Ощущение собственной состоятельности всегда тесно связано с количеством желаний. Есть такая буддийская мудрость: «Ничего не желай — и не будешь несчастен».

Давай вернемся к амбициям. Как же ты, будучи почти юнцом, решился ухаживать за Аллой Борисовной?

Думаю, это наглость врожденная. Мне и Алла говорит, что я всегда наглый был. Смелость, напористость, независимость в собственных суждениях — это все мое. Я понимал, что наша разница в возрасте обязательно будет поводом для осуждения. Но мне было все равно. Если я полюбил человека, мне плевать, что подумают и как будут трактовать мои поступки.

Тем не менее давление было и тебе наверняка через многое пришлось пройти?

Не пришлось, потому что я на этот счет не парюсь. Я четко знаю, чего и как я хочу.

Второе — крепкая семейственность. У меня хорошая опора, я вырос в любви и гармонии, и пример моих родителей всегда у меня перед глазами. Хотя их уже нет... Третье — это любовь людей, которые получили радость от моих выступлений. Таких людей очень много, и это большая поддержка. Мнение людей, которые радость не получили, меня не касается. И вообще, зритель, который приходит на твой концерт, — лучшая «охранная грамота». Такой мощный щит от любых нападков.

Но при большой разнице в возрасте страшно не только осуждение со стороны, но и вероятность быть обманутым.

Да вообще не страшно. Страшно тем, у кого все искусственно. А так, наоборот, прекрасно, когда любимый человек рядом.

Чем ты сумел завоевать ее доверие?

Я искренне считаю, что я хороший, я уникальный. Как говорит Алла, «за что же меня не любить?». Это она про себя так говорит, а я у нее перенял.

Был такой этап, когда пресса тебе приписывала роль мальчика-пажа в свите великой певицы. Ты легко смирился с тем, что остаешься на втором плане, в тени женщины, с которой живешь?

Ты просто любишь человека, периодически вспоминая, что он еще и великий. Знаешь, бывает влюбленность в образ, в диву на сцене. Я всегда был поклонником Аллиного творчества и сейчас считаю, что она лучшая. Но влюбился я в Аллу, а не в Аллу Пугачеву. Это первое. Второе: когда ты человека любишь, тебе совершенно не сложно быть на вторых, на третьих ролях. Мне вообще все равно. Мне не свойственна актерская ревность. Мне не свойственна творческая зависть. Мне не свойственны любые комплексы по поводу того, на каком я месте, где бы то ни было.

А как же мужское эго?

Если мужик в себе уверен, то какие у него могут быть рефлексии и переживания?

Конечно, тут у нас есть традиция... Но в этом отношении я абсолютно не местный. У нас способность идти на уступки всегда считается признаком слабости. Для меня это, наоборот, признак силы и зрелости. Если человек может себя задвинуть, свое «я» в пространстве сжать и выпустить кого-то на передний план — для меня он сильнее. Конечно, если он это делает не из страха или корысти. А тот, кто к своему «я» относится так трепетно, что малейшее отставание становится причиной страшных терзаний, — слабак. Самые сильные мужчины, которых я знаю, — подкаблучники.

А ты?

То так, то сак. Я в этом не вижу ничего плохого. Хотя у нас с Аллой паритет, мы общаемся на равных.

Если вы ссоритесь, кто первый идет...

Мы вообще не ссоримся.

Ну так не бывает!

Мы ссорились несколько раз в начале отношений. И конечно, я первый всегда иду на примирение. Я вообще очень быстро отхожу, легко признаю свою неправоту.

В этот момент в комнату входит Алла Борисовна.

Вот Катя меня спрашивает, как так получилось, что мы счастливо с тобой живем...

У меня опыт большой. Поэтому вообще нет проблем...

...и не смущало ли меня, что я какое-то время был на вторых ролях рядом с великой певицей. Куда ни придем — все внимание Алле...

Ты разве был на вторых ролях? Это я боялась быть на вторых ролях. Я серьезно говорю! Хотя не мужское это дело — внимание на себя обращать. Наоборот, гордиться надо своей женой, ее всегда вперед пропускать. (Смеется, а потом вдруг резко становится проникновенно-серьезной.) Знаете, у меня никогда такого не было, как с Максимом. Ни с одним мужчиной. Все пытались впереди паровоза бежать, а я смиренно говорила: ну ладно, бегите, бегите. (Примадонна удаляется.)

Ты начал семейную жизнь, будучи совсем молодым. У тебя наверняка не было серьезного опыта.

Не было. Было проживание в одной квартире — месяц максимум. Но это нельзя считать опытом семейной жизни.

И как тебе удалось так гармонично расставить приоритеты в отношениях? По нынешним временам это огромная редкость.

Как и в профессии, тут все происходило органично, само собой. Сначала ты находишь человека, который тебе близок, с которым тебе интересно поговорить и легко помолчать. А нам с Аллой до сих пор интересно друг с другом... И ты с ним живешь, взрослеешь. Когда у нас уже сложились серьезные отношения, мы жили сначала на разных площадях, потом стали жить вместе. И обнаружили, что и вместе у нас все прекрасно, мы готовы видеть друг друга утром и вечером, и нам это не в тягость. Мы поселились в ее квартире в Москве. У нас не было прислуги, Алла готовила, я мыл посуду. И так продолжалось год, два, три. И я был всем доволен, это очень важно. Когда у тебя нет претензий ни к человеку, с которым ты рядом, ни к судьбе, которая так разложила свои карты, ты просто живешь и получаешь удовольствие от жизни. И в какой-то момент думаешь: почему бы не узаконить эти отношения? И мы узаконили. К тому моменту уже и дом был готов, который я строил «на вырост», для семьи. А потом Алла сказала, что есть возможность иметь общих детей, и это было счастье!

У тебя уже достаточно большой отцовский стаж. Сейчас можно с определенностью сказать, как на тебя повлияло отцовство?

Конечно, отцовство полностью перевернуло мой взгляд на жизнь. Я даже не помню, чем жил до этого. Сейчас я абсолютно притянут семьей как центробежной силой. Жена и

дети являются центром вселенной, все остальное крутится вокруг. Изменилось все — начиная с распорядка дня. Я себя переструктурировал и почти полностью перестал себе принадлежать, чему очень рад.

Как изменился твой распорядок?

Я рано встаю. И если я не встал в 8 утра, то уже в 9-10 мучаюсь угрызениями совести. Потому что я должен встать вместе с детьми. Казалось бы — зачем? Дети не брошены: всегда либо мама с ними, либо няни. Но я сам скучаю. Реально! У меня это ощущение появилось только с рождением детей — ты по ним скучаешь, едва они легли спать. Я даже не мог предположить, что такое возможно. Но не пойдешь же их будить.

Кто из вас кого воспитывает? Они тебя или ты их?

Ну, я воспитался и был построен сразу после их рождения, так что сейчас — я их, конечно. Я всегда очень любил общаться с детьми, умел быть массовиком-затейником в хорошем смысле. И сейчас получаю большое удовольствие от отцовства. Поэтому мне так лихо удается договариваться с участниками программы «Лучше всех!» — я натренировался на собственных детях.

У тебя девочка и мальчик. К ним нужно искать разный подход?

Конечно. Сложность в том, что они очень ревнуют родителей, соперничают за наше внимание. Причем Лиза в этом плане взрослее. Она чаще уступает Гарику. А тот этим пользуется. И воинственно забирает на свою сторону меня, например. Видимо, в отца пошел, наглый. Приходится это постоянно уравнивать, чтобы внимание уделялось всем. Я все время думаю: так, вчера утром я сначала зашел к Гарику, значит, теперь надо сперва к Лизе зайти. Понятно, что они получают все поровну, мы воспитываем в них уважение к личному пространству. С первого месяца их жизни я с ними общаюсь как со взрослыми людьми. То есть не сюсюкаю, не делаю скидку на то, что они маленькие, не даю специальные «детские» ответы на их вопросы. Я объясняю все как есть, только простыми словами. И они так же общаются, по-взрослому.

У тебя уже есть какие-то планы относительно их будущего?

Пока нет. В этом отношении Алла более беспокойная. Каждый раз, посмотрев программу «Лучше всех!», она восклицает: «Ну как же так! Надо, чтобы и наши дети что-то умели». Я считаю, что, если ребенок проявляет какие-то способности, нужно просто помогать ему идти в этом направлении. Алла с детьми, кстати, занимается музыкой, они неплохо поют.

А Лиза и Гарри смотрят «Лучше всех!»?

Да. Но быстро начинают ревновать к происходящему. Как же так — папа делится вниманием с кем-то еще. Иногда начинают отвлекать меня громкими разговорами. Пару раз Гарик уже заявил: «Я тоже пойду, ты меня возьми туда».

Похоже, скоро они станут героями программы?

Пока я вижу, что Гарик и Лиза не готовы к публичным выступлениям, они не очень это любят, стесняются. Так же происходит со многими детьми на нашей программе. В этом отношении у нас позиция очень мягкая, и за кулисами тоже. Там созданы все условия, чтобы участники почувствовали себя комфортно. Им все объясняют, прежде чем

отправить в кадр. Я их вижу в первый раз именно там, на диване.

И всегда легко удается найти контакт?

Да. Я ко всем детям после рождения Гарика и Лизы отношусь как к своим. Бывает, что кто-то из участников ведет себя со мной панибратски. Мне иногда говорят — да он тебе просто хамил! А я этого не вижу, меня это не обижает. Дети — неиспорченные, какие-то божественные создания. Они — окно в другой мир. Это потом они становятся такими, как мы...

А что стало с твоим шоу «МаксимМаксим»?

Оно не закрыто, но законсервировано. Мы с Константином Львовичем Эрнстом обсуждали это в январе и пришли к выводу, что на фоне феноменального успеха программы «Лучше всех!» лучше не распыляться. Надо, чтобы меня было не много. Есть артисты, которые не надоедают. Я не чувствую в себе такой уверенности, поэтому лучше сосредоточиться на чем-то одном. Да и совмещать съемки было непросто. Оба проекта отнимали много сил и времени.

Ради шоу «МаксимМаксим» ты даже приоткрыл двери в святая святых — ваш дом. Приоткрыл, а потом призакрыл. (Смеется.) Я это делал иронично, хотя, возможно, у меня не всегда получалось свою иронию донести до зрителя. Ее не все поняли. Это же тонкий момент. «Вот, смотрите, какой у меня дом!» Или: «Смотрите, какой я чудак, что построил такой дом!» Чувствуешь разницу? Для меня это была самоирония, а многие воспринимали напрямую.

Галкин хвастается своим замком?

Да-да. А меня это меньше всего волнует. Хотя я не пытаюсь что-то спрятать, это не секретный объект. Дом стоит посреди обычной деревни, на виду. Мы не живем под покровом тайны — мы гуляем по окрестностям, общаемся с местными жителями, с некоторыми даже подружились. Я и замок-то такой построил, потому что смотрел на своих друзей, которые обзаводились детьми, потом внуками, им становилось тесно, приходилось постоянно переезжать на новое место. Я думал: «Вот несчастные, всю жизнь на стройке. Дай-ка я построю такой дом, чтобы мне уже точно не захотелось строить ничего больше». В результате на выходные к нам часто приезжают Кристина, Миша и Клава. Иногда Дени. И нам не тесно, никто никому не мешает. У всех есть свои комнаты. Еще приезжает мой брат с женой и с детьми — им тоже есть где остановиться.

Ты человек, у которого практически все есть. Дом, дети, любимая женщина, работа. О чем ты мечтаешь сегодня? Чего тебе не хватает?

Что-то себе придумываю, конечно. В профессиональном плане прикидываю, чем еще я мир удивлю. По-прежнему эти мечты — несбыточные на данный момент. Как многое из того, о чем я мечтал 15 лет назад. И если вдруг что-то сбудется, я тебе позвоню и скажу: «Катя, помнишь, ты меня спрашивала?»

Екатерина Пряник
HELLO!

13 ноября в 8 pm
Julius Littman Theater
17011 NE 19th Ave North Miami Beach, FL 331629

МАКСИМ ГАЛКИН
Новая Программа

Информация и Билеты:
Союз Видео: 305-792-2636 * 305-283-7819
www.russianhotline.com